

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

«СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

ВЫПУСК 5

ЮБИЛЕЙНЫЙ

По материалам
пятой международной научной конференции,
посвященной 50-летию со дня кончины А. П. ПЛАТОНОВА

23–25 апреля 2001 года. Москва

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2003

Наталья Корниенко (Москва)

«РАЗМЫШЛЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ»: НИКОЛАЙ НИКИТИН — РЕЦЕНЗЕНТ РАССКАЗА «ТАКЫР»

Николай Николаевич Никитин (1895–1963) — известный советский прозаик и драматург, активный участник литературной жизни 1920–1940-х гг. Профессиональную литературную деятельность начал в 1920 г. в студии Дома Искусств в Петрограде; входил в группу «Серапионовых братьев»; широкую известность принесла Никитину повесть «Рвотный форт» (1921), после публикации которой о нем заговорили как о представителе «новой прозы». С 1922 г. входил в круг прозаиков, особо активно поддерживаемых А. Воронским; печатался в журнале «Красная новь»; был членом правления издательства «Круг»¹. Несмотря на литературный «перелом» рубежа десятилетий, Никитин и в 1930-е гг. остается одной из крупных фигур литературной жизни. Он — участник многих писательских коллективных акций и изданий этого времени²; выступает на Первом всесоюзном съезде советских писателей, печатается в горьковских «Наших достижениях» (1934, № 1); принимает самое активное участие в подготовке фундаментального пятитомника «Две пятилетки» и т. п. В середине 1930-х Никитин разрабатывает весьма актуальную в это десятилетие «азиатскую» тему (пьеса «Баку», 1937; роман «Это было в Коканде», 1939).

Не известно, знал ли Никитин о рецензии Платонова 1924 г. на журнал «Звезда», рецензии, в которой опубликованной там повести Никитина «Полет» посвящены весьма нелестные характеристики. Из авторов журнала Никитину тогда от Платонова-рецензента досталось больше всех. Платонов цитировал повесть «Полет» весьма вольно и небрежно — взброс, доказывая реакционность и полную невразумительность писаний «звездного писателя», «советского литератора, попутчика из “Круга”»³. В литературно-политической борьбе 1923 г. между лагерем «попутчиков», с одной стороны, и объединившихся Лефа и РАППа — с другой, Платонов отчасти принял позицию последних, и именно ее «отработал» в рецензиях, опубликованных в 1924 г. в московском журнале «Октябрь мысли».

К сожалению, ленинградский круг литературных связей Платонова конца 1920 — начала 1930-х гг. остается неизвестным. Однако из самых разных документов и косвенных данных очевидно, что эти связи были и что Платонов и Никитин могли встречаться в ленинградских издательствах, а также на общих литературных мероприятиях. Возможно, не только Туркмения связывала Платонова и Н. Тихонова, о чем свидетельствует дарственная запись на книге Н. Тихонова «Ленинградский год» (1943): «Андрею Платоновичу на добрую память от постоянного читателя дружески Ник. Тихонов. 1943. 15/VI. Ленинград»⁴.

Если личные мотивы выступления Никитина в 1935-м нам неведомы (вряд ли это ответ Платонову на его рецензию 1924 г.), то общественно-литературные, хотя бы контурно, можно обозначить, ибо выступление Никитина, знающего изнутри ситуацию в коллективных изданиях и человека весьма опытного в литературных боях⁵, состоялось на страницах главной советской газеты «Правда».

С осени 1934 г. Платонова активно поддерживает даже не столько Горький, сколько влиятельный В. Ермилов, в это время главный редактор «Красной нови». Считаю необходимым этот факт подчеркнуть — ради объективности хроники, где зачастую первенство в «возвращении» Платонова после истории с «Впрок» всецело связывается с Горьким и «Литературным критиком». В 1934-м в «Красной нови» печатались М. Пришвин, А. Новиков, П. Васильев, Я. Смеляков, Л. Добычин, И. Катаев, А. Веселый, А. Митрофанов, М. Зошенко, В. Катаев, К. Федин, А. Платонов и др. Влияние Горького на политику журнала было незначительным. В 1934 г. в редакционную коллегию «Красной нови» входили: Вл. Бахметьев, Ф. Березовский, В. Ермилов, Вс. Иванов, И. Луппол, Ф. Панферов, А. Фадеев, М. Шагинян. В основном это бывшие рапповцы, с большим недоверием (мягко говоря) и в это десятилетие относившиеся к Горькому. Из собственно горьковского круга в редколлегии был, пожалуй, лишь один писатель — Вс. Иванов. Без особых трудностей поддавалась горьковскому воспитанию только М. Шагинян. Чего нельзя было сказать о Фадееве, Ермилове и Панферове. В «Литературном дневнике», который вел в журнале Ермилов, ссылки на Горького практически отсутствуют.

Отношение к Платонову в горьковских изданиях, для которых он работал очень активно, определилось не сразу. Однако сигналы Горькому, чтобы он в своих выступлениях в печати обратил внимание на Платонова, были. Причем, с партийных высот. Как свидетельствует опубликованный Н. Примочкиной черновик письма Горького Л. Мехлису (главный редактор «Правды»), тот еще в преддверии писательского съезда докладывал Горькому о трех писателях — Пришвине, Васильеве и Платонове и просил того публично выступить против них⁶. Можно лишь догадываться, какой темой объединил Мехлис бывшего перевальца Пришвина, скрывавшегося под маской юродства «клеветника» Платонова и продолжающего есенинско-клюевскую линию П. Васильева (многие современники тогда считали, что именно за стихотворение «Клеветникам литературы», где в галерее русских поэтов запечатлен Васильев, Клюев был арестован и осужден в начале 1934 г.). В ответе Горького читаем:

«За информацию о трех писателях — очень благодарен Вам, Лев Захарович.

Пришвин, старый и верный ученик Иванова-Разумника, конечно, неизлечим, но все же он — сравнительно с прошлым — продвинулся вперед и налево...

Ан. Платонов — даровитый человек, испорчен влиянием Пильняка и сотрудничеством с ним.

П. Васильева я не знаю, стихи его читаю с трудом. Истоки его поэзии — неонародническое настроение — или: течение — созданное Клычковым-Клюевым-Есениным, оно становится все заметней, кое у кого уже принимает русофильскую окраску и — в конце концов — ведет к фашизму»⁷.

Летом 1934 г. Горький исполнит просьбу редактора партийной газеты и выступит на страницах «Правды» и «Известий» (14 июня) со статьей «О литературных забавах». Риторика Горького по поводу неприемлемой для советской литературы «групповщины» и «вождизма» в литературной среде не может затемнить главный адресат его выступления и разоблачения. Это — «бывшие рапповцы»⁸, которые восхищаются «хулиганством» Павла Васильева и Я. Смелякова и должным образом не воспитывают писателей и т. п. Парадокс в том, что горьковские утверждения о живучести «есенинщины», что «от хулиганства до фашизма расстояние “короче воробьиного носа”» и потому Васильев «враг» (27, 250), напомнившие основные тезисы знаменитой статьи Н. Бухарина «Злые заметки» (1927), адресованы действительно «бывшим рапповцам», которые словно забыли, как активно в то десятилетие они громили «есенинщину» и русофильское «юродство»... П. Васильев в июле покаялся публично на страницах «Литературной газеты», Горький написал и опубликовал там же ответ. Однако «воспитание» этим не ограничилось. «Васильева — не надо» — такова осенью 1934 г. резолюция Горького на стихах Васильева для горьковского журнала «Колхозник»⁹. 10 января 1935 г. Павел Васильев был исключен из Союза писателей. Можно сказать, просьба главного редактора «Правды» по отношению к одному из неблагополучных писателей была исполнена. Учить и перевоспитывать «неизлечимого» Пришвина было просто неприлично — Горький понимал, что именно так это и будет прочитано. А от Платонова эмблематической параллелью с Пильняком он просто отмахивается. Отношение к Платонову, надо сказать, особой оригинальностью не отличалось. Оно напоминает, в частности, формулу отношения Горького к Булгакову, высказанную им осенью 1931 г. в письме к Сталину: «Булгаков мне “не брат и не сват”. Защищать его я не имею ни малейшей охоты. Но — он талантливый литератор, а таких у нас — не очень много. Нет смысла делать из них “мучеников за идею”. Врага надобно или уничтожить, или перевоспитать. В данном случае я за то, чтобы перевоспитать. Это — легко. Жалобы Булгакова сводятся к простому мотиву: жить нечем»¹⁰. «Простой мотив» лишь частично присутствует в письмах Платонова к Горькому, в этом смысле у «даровитого человека» инженера Платонова были преимущества перед «талантливым литератором» Булгаковым. Правда, к «перевоспитанию» Платонова Горький приложил больше усилий, чем к Булгакову, а результат оказался ничтожным. Это при всем том, что нахождением в коллективе «Двух пятилеток» Платонов во многом был обязан Горькому.

В первые дни января 1935-го Горькому из редколлегии «Люди пятилетки» пересылают сданные Платоновым материалы и просят дать совет и указание. Накопились платоновские материалы и в других изданиях. С ними тоже еще не знали что делать. 13 января, по прочтении переданной ему статьи «О первой социалистической трагедии», Горький в письме к ответственному секретарю «Двух пятилеток» Г. Корабельникову выскажется однозначно — «не пригодна»¹¹. Статья Платонова Горького не только заморозила, о чем говорят январские вопросы на машинописи (о них написал Л. Аннинский), кажется, она его серьезно рассердила и

возмутила. Не вызывает сомнений, что Горький, конечно же, прочитал у Платонова самую дерзкую полемику с собственными идеями «второй природы», базовыми, как он утверждал, именно для идеологии и эстетики советской литературы. С 1931 г. Горький внедрял их неистово, проводил из статьи в статью — кажется, на любом материале, к которому он обращался. Статью «О первой социалистической трагедии» Платонова можно прочитать как филигранное резюме многообразных горьковских вариаций темы «второй природы». Вот лишь одно сравнение.

Платонов:

«Она (природа у Платонова. — *Н. К.*) не велика и не обильна. Точнее говоря — она так жестко устроена, что свое обилие и величие не отдавала еще никому. Это и хорошо, иначе — в историческом времени — всю природу давно бы разворовали, растратили, проели, упились бы ею до самых ее костей: аппетита всегда хватало бы. Достаточно, чтобы физический мир не имел одного своего закона, правда, основного закона — диалектики, и в самые немногие века мир был бы уничтожен людьми начисто и впустую».

Горький:

«Поэты прошлых времен восхищались красотами и дарами природы <...> Хвала природе — хвала деспоту и тоном своим почти всегда напоминает молитвы. <...> Я хочу сказать, что наше время включает в область поэзии совершенно новые темы, например: борьбу коллективно организованного разума против стихийных сил природы и вообще против “стихийности” воспитания не классового, а всемирного Человека человечества, творца “второй природы”, создаваемой энергией его воли, разума, воображения» (статья «О “Библиотеке поэта”», 1931; 26, 180–181);

«Крестьянство, которое веками “училось у природы” и ничему не выучилось <...> крестьянство вооружается машинами, его все более снабжают удобрительными туками, его учат грамоте сельскохозяйственной культуры, оно теряет древние навыки, становится из ученика природы бойцом против ее слепых капризов, “власть земли” над ним заменяется его властью над землею. Крестьянин становится рабочим на земле <...>. Земля должна быть достойна человека...» (статья «О борьбе с природой», 1931; 26, 195, 197);

«Деревенский парень, являясь работать на завод, построенный на основании новейших и самых совершенных завоеваний техники, попадает в мир явлений, которые, поражая его воображение, возбуждая мысль, освобождают ее от древних диких суеверий и предрассудков. <...> Его нервно-мозговая энергия, в которой скрыта наша способность исследования и познания явлений мира, мощно возбуждается всей суммой условий, которые были совершенно неведомы его отцу. <...> Он чувствует себя творцом нового мира...» (статья «О старом и новом человеке», 1932; 26, 288, 289);

«Народ изменит физическую географию своей земли, — этого еще никто никогда не делал в таких размерах, как начато у нас» (статья «Предрассудки съедают миллионы пудов сена», 1932; 26, 301; многие тезисы-«лозунги» этой статьи послужат источником аллюзий в повести «Ювенильное море»);

«Есть у трудового человечества немало врагов в мире насекомых и в мире микроорганизмов — они, вредители здоровья; тоже должны быть истреблены. <...> В борьбе пролетариата за власть над миром наука — самое острое и мощное оружие» (статья «Война сорнякам», 1933; 26, 427–428);

«Враги человека: ветер, гроза, болота, холод, зной, речные пороги, пустыни, хищный зверь, ядовитые растения и др.» (статья «О темах», 1934; 27, 106). И т. д. и т. п.

В многотысячном отряде советских писателей, бросившихся не без упоения разрабатывать горьковские идеи «второй природы», прозвучали и голоса сомнений: «Жень-Шень» Пришвина, «Засуха» Н. Заболоцкого, «Ювенильное море» Платонова, «Дорога на океан» Л. Леонова... Возражение Платонова было самым последовательным. При этом заметим, что антигорьковскую по духу и стилю статью «О первой социалистической трагедии» он отдает — помимо Горького — в курируемое тем издание «Двух пятилеток».

В первых числах января 1935-го Горький активно занимается подготовкой 2 пленума правления Союза писателей, консультирует секретаря Союза писателей А. Щербакова по вопросам работы с писателями и в письме к тому от **13 января** (совпадает с датой письма Корабельникову) обещает скорую публикацию двух своих «статеек о “Литературных забавах”» (30, 370–371). Одна из них была напечатана **18 января** на страницах «Правды». В этом же номере в постоянной рубрике «Размышления читателя» (самый близкий источник к заглавию знаменитой книги литературно-критических статей Платонова) печатается крохотная заметка Н. Никитина о рассказе Платонова «Такыр».

ДРЕМАТЬ И ВИДЕТЬ НАПОЛОВИНУ

I. ОТДЫХ ОТРЯДА

«Отряд приурочился в тень старой чинары... Нужно было целое племя людей, чтобы обнять это дерево вокруг... Персидские пленники уснули, и горе в них прекратилось от потери сознания... Туркмены... закрывали по одному глазу, чтобы дремать и видеть наполовину... Лежащие лошади вытянули морды вровень с землей...»

II. ЛЮБОВЬ

«Она шла без веревки и отставала от усталости... Она... не заметила, когда произошла жить... На родине она с шести лет собирала хворост и отсохшие сучья в горных рощах Харасана для своего господина, у которого жила за пищу два раза в день... Атах-Баба изредка звал к себе Заррин-Тадж и отставал от всех, чтобы жить с нею на песке... Атах любил ее угрюмо и серьезно, как обычную обязанность, зря не мучил и не наслаждался... Для себя она не получила никакого чувства, кроме тяжести Атах-Бабы и его бороды».

III. СНОВА ЛЮБОВЬ

«Хозяин обнял тело персиянки, обнищавшее в нужде и дороге. Было все тихо, одно дыхание выходило у спящих, и слышалось, что кто-то топал мягкими ногами по глухой глине — может быть, шел куда-то скорпион по своему соображению. Заррин-Тадж уснула от утомления и равнодушия среди любви».

IV. СМЕРТЬ

«Заррин-Тадж все еще понемногу была жива, боясь окончательно ожить, чтобы потом сразу не умереть... Джумаль через некоторое время хотела кормить мать и позвала ее, но персиянка не ответила. Тогда Джумаль подошла и попробовала ее; она подняла на ней

одежду и увидела грудь, похожую на два темных умерших червя, вьевшихся внутрь грудногоместилища... И вся ее грудь была так мала, что только небольшое и сухое могло там находиться, — чувствовать что-либо счастливое старухе было уже нечем...»

V. ЕЩЕ РАЗ ЛЮБОВЬ

«Он увидел Джумаль, молодую и с жалобным телом. Она выросла на его стадах и стала теперь угрюмой от юности. Атах поднял Джумаль с земли и сжал ее небольшое, неумелое тело, унося его в глушь такыра. Джумаль впиалась ногтями в горло Атах-Бабы, но... он не чувствовал боли от девушки, с жадностью нюхая запах полыни и ветра в ее волосах.»

* * *

...Уважаемые товарищи! Перед нами вовсе не образцы подстрочного, литературно еще не обработанного перевода с персидского или тюркского. Все напечатанное выше — не что иное, как выдержки из первой половины рассказа, помещенного в 1934 году в одном из наших «толстых» журналов. Мы позволили себе лишь «смонтировать» и озаглавить отрывки.

При этом мы привели только часть перлов, позволяющих ознакомиться со стилем автора рассказа. Можно во много раз увеличить число таких цитат. Одних любовных сцен можно было бы привести еще четыре (это из рассказа, где всего 12 страниц). Мы могли бы также познакомить читателя с тем, как девушка «спала ухом на земле», как «душа ее жила в жизни», как ребенок лежал, «свернувшись в комок от страха пережитого рождения», как люди шли «в направлении одинакового пустого пространства».

Но нужно ли все это? Не лучше ли будет, если недоверчивый читатель обратится непосредственно к «первоисточнику». Писатель — **Андрей Платонов**: рассказ — «**Такыр**»; журнал — «**Красная новь**», книга девятая за 1934 г. Редактор — редколлегия в составе: (не печатается за недостатком места).¹²

Между фундаментальной статьей Горького и фельетонной заметкой Никитина — отношение общего и частного, а сама заметка — яркий пример редакционно-го и горьковского соцзаказа, добросовестно исполненного Никитиным по прочтении *полного* текста горьковских «Литературных забав» (окончание печаталось 24 января). На материале ноябрьских (девярых!) номеров «Нового мира» и «Октября» за 1934 г. Горький высказался теперь уже не об этике, а скорее об *эстетике* явлений хулиганства в современной литературе — «словесном хулиганстве» и «странных фразах» (27, 268), которые не заметили и не исправили редакторы. Никитин, нарезав и произвольно смонтировав фразы из текста «Такыр», старательно «отработал» горьковскую тему «словесного хулиганства» на не упомянутом Горьким *девятом* номере «Красной нови». Платоновский рассказ, где атакованная Горьким «первая природа» обрела чудный поэтический голос и в самостоятельный сюжет словно бы воплотилась написанная пунктиром в «Котловане» история девочки Насти и ее матери, давал уникальную возможность с помощью теперь уже платоновских «странных фраз» осветить и главную — мировоззренческую — тему горьковских «Литературных забав», к которой тот неустанно возвращался. Из новой литературы, настаивал Горький, исключаются «темы безнадежности, бессмысленности личного бытия, тема страдания, освещенная вреднейшей ложью христианства» (27, 254); эта тема должна быть освоена в новой формуле — «мещанин в страдании и спасительность объективной истины» (27, 259) и т. п.

Появление на страницах «Правды» 18 января рецензии Никитина является, таким образом, одним из публичных отражений подкованной литературной борьбы, мастером которой был Горький, привечая писателей и изыскивая формы их публичного перевоспитания-наказания, и одновременно — указанием Платонову, а также редколлегии журнала «Красная новь». Указанием, что автором рассказа, как и журналом, недовольны. Не исключено, что у Никитина были и личные причины недовольства «Красной новью». В 1920-е гг. он был одним из постоянных авторов этого главного советского «толстого» журнала. Статус журнала и в новое десятилетие, как и в 1920-е, оставался столь же высоким. В 1933–1934 гг. публикаций Никитина в журнале не было.

О выступлении «Правды» Платонов узнал уже в Туркмении. Из Москвы он уехал 14 января и, судя по сводке секретно-политического отдела НКВД от 16 марта, настроение у писателя было неплохое, что связывалось с «оживлением литературной деятельности» и «успехом» рассказа «Такыр» среди писателей¹³.

Записи в записной книжке 1935 г.:

«Опять Амударья, Чарджуй, опять я в песках, в пустыне, в самом себе.

Чарджуй, 12 ч. ночи

20/1»¹⁴.

А через несколько страниц — отклик на выступление «Правды» и портрет Никитина-рецензента:

«От страха мне сначала показалось, что у Н. Никитина не одна голова барана, а две головы»¹⁵.

Какую страницу «Джан» пишет в эти дни Платонов, мы точно не знаем. Но, кажется, что горьковско-никитинский сюжет запечатлется в колоритной сцене повести, посвященной описанию «баранов», «отары уцелевших овец» и их «вождя», «старого барана», с его мучениями в организации согласованного движения.

Естественно, более внимательно, чем заметку Никитина, читает Платонов горьковские «Литературные забавы», что также найдет отражение в диалогах Назара Чагатаева и несчастной Веры, которая в «счастливой Москве» почему-то «верила в свое обреченное одиночество», «берегла свое горе и не спешила его растратить». В формуле московского спасителя-Прометея Назара Чагатаева прочитывается, может быть, самая лаконичная формула мировоззренческого комплекса идей Горького о связи страдания и мешанства: «Чагатаеву горе надоело с детства, а теперь, когда он стал образованным, ему оно представлялось пошлостью...» («Джан»). Вдалеке от Москвы Платонов пишет «Джан» — великую повесть о возвращении героя «с горы своего ума» — через соприкосновение со страданием народа — к трепетной правде, которую так хотела открыть «счастливому» Назару Чагатаеву тоскующая в безлюбивом мире о любви несчастная Вера... В истории жизни и любви москвички Веры уже рождаются контуры сюжета написанного вскоре рассказа «Фро»...

Пока Платонова не было в Москве события развиваются в столице по написанному в «Правде». Идет интенсивная подготовка первого после Всесоюзного съезда писателей большого форума — 2-го пленума Правления союза писателей, «Правда» освещает развернувшуюся дискуссию о советской литературе, критике и

ее отношении к писателям¹⁶. Пленум назначен на первые числа марта (пройдет 2–7 марта). **17 февраля** позиция Горького докладывается Г. Корабельниковым главным партийным кураторам «Двух пятилеток» — Н. Бухарину (редактор «Известий») и Л. Мехлису (редактор «Правды») в следующей формулировке: «Обнаружилось, что, наряду с идейно здоровыми запросами большинства членов коллектива, у некоторых писателей (К. Зелинский и А. Платонов) проявилась попытка навязать коллективу — чуждую и враждебную нам этику и эстетику»¹⁷. **5 марта**, выступая на пленуме Союза писателей, оргсекретарь Союза писателей А. Щербаков публично напомнил Платонову, что в среде советских писателей никто не забыл историю с «Впрок» и, как человек весьма близкий к Горькому, «озвучил» горьковское недовольство платоновской статьей «О первой социалистической трагедии»¹⁸. И не только ею. Приведем (с некоторыми пояснениями-примечаниями) посвященный Платонову фрагмент речи Щербакова, важный для нас также и реальной информации для датировки упоминаемых рассказов писателя:

«Другой литератор поставил перед собой такой вопрос: “В чем смысл современной исторической трагедии?” — и отвечает: “Смысл, по-моему, в том, что техника решает все”¹⁹.

Эти мысли, кроме как реакционными, никак назвать нельзя. Эти мысли перекликаются с Шпенглером, хотел этого автор или не хотел. Эти мысли отражают философию враждебных социализму элементов²⁰.

Надо еще учесть, что чуждые и антипролетарские настроения в литературе проявляются теперь, как правило, в формах скрытых, тонких и завуалированных.

Я приведу в качестве примера рассказ Андрея Платонова “Такыр”, напечатанный в 9-й книге “Красной нови” за 1934 г. “Такыр” — это тяжелый путь через рабство, нищету и страдания туркменской женщины Заррин-Тадж и ее дочери Джумаль. Платонов рисует нищую глинистую землю, и на этой нищей глинистой земле он показывает голых телом и нищих духом людей. Центральная идея Платонова выражена в следующем образе: “Растет одинокое дерево, а на его ветке сидит мелкая, ничтожная птичка и надменно, медленно напевает свою песню. Мимо этой птички идут караваны верблюдов, скачут всадники в даль, и гудит поезд в Туран. Но птичка поет все более умно и тихо, почти про себя; еще не известно, чья сила победит в жизни — птички или караванов и гудящих поездов”.

Герой этого рассказа австриец Стефан Катигроб (обратите внимание на самое имя — Катигроб!), участник мировой и гражданской войны, брошенный судьбой в пески Каракума, здесь, в песках, понял, что жизнь — это “одни миражи, эфемеры света и жизни”.

Через весь рассказ проведена философия обреченности людей и культуры. “Еще не известно, чья сила победит в жизни — птички или караванов и гудящих поездов”.

Через весь рассказ проведена идея скупости природы. ее враждебности к людям и такого несовершенства людей, независимо от их классового происхождения, что любить их нельзя, они любви не заслуживают.

Такого рода произведения печатаются в наших журналах, они читаются. Идеи вложенные в эти произведения, получают распространение, и критика обязана вскрывать их вред, как бы глубоко запрятаны ни были эти идеи.

Имя Андрея Платонова напомнило мне еще об одной обязанности критики. Критика вовремя должна ставить вопрос о творческом пути того или иного писателя, о направлении его общественной деятельности, должна указывать и, по возможности, предупреждать ошибки в его творческом пути.

Так вот Андрей Платонов принадлежит тем писателям, о творческом пути которых надо поговорить. Товарищи, вероятно, помнят, что Андрей Платонов является автором произведений “Впрок”, “Усомнившийся Макар” и др. В этих произведениях Андрей Платонов с кулацких позиций обстреливал индустриализацию, коллективизацию, протаскивал идейки о перерождении партийных кадров.

Затем Андрей Платонов на некоторое время замолчал, как бы давая тем самым понять, что он творчески перестраивается. В последнее время Андрей Платонов дал несколько рассказов. Об одном из них “Такыр” я вам уже сказал. Два других рассказа Андрей Платонов дал в журнал “30 дней”. Один из них называется “Скрипка”. В этом рассказе Андрей Платонов показывает молодого крестьянина “с неточным широким лицом, похожим на сельскую местность”, который захотел быть музыкантом, и как из этого ничего не вышло. Центральной идеей рассказа является старая, затрепанная, затаканная идея о том, что искусство стоит вне политики, что оно живет по своим собственным законам, не подчиняющимся людям, и не поддается руководству.

Андрей Платонов пишет: “Играя, Сарториус опять не мог понять своего инструмента, почему скрипка играла лучше, чем он мог, почему мертвое и жалкое вещество скрипки производило из себя добавочные живые звуки, играющие не на тему, но глубже темы, искуснее игры скрипача. Рука Сарториуса лишь тревожила скрипку, а пела и вела мелодию она сама, привлекая к себе на помощь скрытую гармонию окружающего пространства и все небо тогда служило экраном для музыки, возбуждая в темном существе природы родственный ответ на волнение человеческого сердца... Природное вещество играло внутри почти само по себе и умнее искусства скрипача”. Как видите идея старая, потрепанная и затаканная и вытаскивать ее в 1935 г. по меньшей мере не умно.

Другой рассказ называется “Семья”. Гражданская война. Безмерные страдания жены и детей рабочего, ушедшего на фронт гражданской войны. “Их отец добывал для них славу будущей жизни, дети же лежали накануне вечного покоя”. Кончилась гражданская война. Страдания не кончились ни для ребенка, ни для семьи. “Сколь раз на фронте и на работе ему представлялось, что он не живет: настолько горе уменьшало его разум”. Затем, в связи с победами страны социализма жить стало легче. Но надолго ли? — задает вопрос Андрей Платонов. И отвечает: “Детям придется когда-нибудь осиротеть, взять в руки весь плохой мир и нашить в походе такие же раны, какими покрыто тело отца”. Круг завершен: страданиями он начинает, страданиями кончается.

И все это, товарищи, пишется на третьем году второй пятилетки, в дни величайших побед социализма, перед лицом подлинных героев, заседающих в Кремлевском дворце на VII Съезде Советов и 2-м Съезде колхозников-ударников, перед лицом легендарных героев гражданской войны, вспоминающих пути своих побед и подготавливающих будущие победы, перед лицом молодой страны, заявляющей на весь мир устами своих лучших сынов: “Как хорошо и радостно жить! Как хорошо и как радостно бороться за еще более прекрасное ‘завтра’”.

При этом мы должны отметить следующее. Несколько лет тому назад ряду писателей наши критики говорили: “Ты пишешь идеологически неприемлемые для нас вещи, но ты действительно большой художник, мастер слова, твои произведения — значительные художественные ценности”. И такой писатель иногда ходил важный и надутый и говорил: “Да, конечно, с идеологией не благополучно, но я подлинный представитель художественного слова”. На самом деле и тогда во многих случаях это было не так, а теперь мы можем прямо сказать А. Платонову: если раньше в твоих произведениях были проблески талантливости, то твои последние рассказы и с точки зрения художественной формы имеют нич-

тожную ценность. И должны мы еще сказать: жалок путь писателя, цепляющегося за старые, обветшалые, разбитые жизнью идеи.

Мы обязаны предупредить таких писателей: делайте еще и еще усилие, перестраивайтесь, подравнивайтесь под общий фронт советской литературы, мы вам в этом всячески поможем, а иначе скоро читатель просто забудет о вас»²¹.

Мог (гипотетически) возразить Щербакову Ермилов, но он выступал на пленуме раньше, и, пожалуй, наиболее жестко говорил об эстетическом уровне советской литературы и о том, что «наша критика не умеет по-настоящему ставить вопрос о высоте художественных критериев»²². Правда, само напоминание «товарищам» о «Впрок» как бы исключало возможность полемики о новых произведениях Платонова, ее и не будет. Из четырех упомянутых Щербаковым платоновских текстов к 1935-му опубликован лишь рассказ «Такыр». Щербаков лишь уточнил и развил рецензию Никитина, резюмируя предложенную тем «формальную» картину эстетики «Такыр» в некое обобщение, что-де новые рассказы Платонова именно «с точки зрения художественной формы имеют ничтожную ценность» (поразительным образом это утверждение отзовется в наших работах недавнего прошлого). Цитируемая Щербаковым статья «О первой социалистической трагедии», а также рассказы «Скрипка» и «Семья» увидят свет уже после смерти писателя. Анализируемый Щербаковым рассказ «Семья» найден лишь в 1990-е гг., когда откроется Центральный партийный архив, где и будут обнаружены В. Перхиным машинопись статьи «О первой социалистической трагедии» (горьковский экземпляр хранится в фонде Горького ИМЛИ РАН) и рассказа «Семейство»²³. Разоблачение разных форм «хулиганства» 1935 г. в принципе предопределило судьбу главной «хулиганки» в прозе Платонова этих лет — Москвы Честновой...

Платонов вернулся из Туркмении раньше запланированного срока (окончание командировки — 14 марта). Вдалеке от Москвы ему никто не мешал, повесть «Джан» была написана — в течение неполных двух (!) месяцев. Из Туркмении в записных книжках Платонов привез кристаллы и сюжеты новых замыслов... В Москве его ждала служба в Росметровесе. Судя по документам Треста, с **10 по 15 марта** Платонов — старший инженер конструкторского бюро — находился в командировке на ленинградском заводе «Металлометр»²⁴... Естественно, что по возвращении в Москву Платонову сообщили о выступлении Щербакова на пленуме. И о многом другом, что вскоре скажется на издательской судьбе написанной для «Двух пятилеток» «Джан», и не только на ней. Из отправленной в марте (без указания даты, вторая половина месяца) сводки в НКВД известно, что заметка Никитина, т. е. выступление «Правды», широко обсуждалось в писательской среде и что в самой редколлегии «Правды» не было единогласия, а шла та же, что и в литературной жизни, борьба... Симптоматично упоминание в донесении фамилии зав. Отделом литературы и искусства «Правды» Л. Субоцкого²⁵.

«СУББОЦКИЙ (sic!), узнав, что после заметки в “Правде” два журнала не стали печатать уже набранные рассказы Андрея Платонова, сказал, что считает это безобразием и что он позвонит Ермилову и Павленко о том, что “Правда” вовсе не имела в виду изгнать Платонова из печати. Однако ПЛАТОНОВ говорит САЦУ, что его вызвал тов. ЩЕРБАКОВ и объявил ему, что он (ПЛАТОНОВ) должен сейчас же написать совершенно ясную политическую вещь, иначе ему будет плохо. ПЛАТОНОВ очень взволнован и растерян»²⁶.

Итак, подытожим очевидные результаты выступления «Правды». Вслед за журналом «30 дней» отказывается, скорее всего, журнал «Колхозник», где находился рассказ «Глиняный дом в уездном саду», также не понравившийся Горькому, о чем и наложена последним соответствующая резолюция: «Унылый романтизм этот “Колхознику” не подходит»²⁷. Отдадим должное «Красной нови», опубликовавшей в 1-м номере за 1936 г. (подготовлен и сдан в декабре 1935 г.) данный рассказ (под заглавием «Нужная родина»), а также рассказ «Третий сын». О том, что оба рассказа поддерживал именно Ермилов, подтверждается документом — восторженным письмом критика Платонову от 26 января 1936 г.²⁸ Принял ли Платонов предложение написать «совершенно ясную политическую вещь»? Возможно, да... Выскажем предположение, что это очерк «Горячая Арктика»... Он, правда, тоже почему-то не увидит свет. Здесь уже мог возразить член редколлегии «Двух пятилеток» академик И. Губкин, ни разу не упомянутый в «Горячей Арктике»²⁹.

Выскажем предположение, что у истоков разрыва Платонова и Ермилова стоит нарушение писателем неких негласных, но весьма жестких и в это десятилетие законов литературной жизни, с весьма четким обозначением своего и чужого литературного лагеря. В биографии Платонова 1936 г. — год самого, пожалуй, активного участия в литературной жизни (напомню, что он уже не служит в Росметровесе). Первым сигналом к разрыву с Ермиловым послужила публикация в 8-м номере журнала «Литературный критик» рассказов Платонова «Бессмертие» и «Фро». Чисто смеховым приемом «редакция редколлегии» журнала «Красная новь» введена в историю Фро-Фроси. Публикация сопровождалась редакционной статьей «О хороших рассказах и редакторской рутине» (№ 8). О том, что первым журналом, открывшим в 1935-м «хорошие рассказы» Платонова, является «Красная новь», и вовсе забыто авторами редакционной статьи. Естественно, что «Литературный критик» хотел, чтобы автор напечатанных на его страницах рассказов определил свои отношения с «Красной новью». Имя автора пародии в стихах, опубликованной в сентябрьском номере «Литературного критика», вряд ли долго оставалось в секрете. Рецензия-пародия Человекова не могла быть не прочитана Ермиловым как определенная дерзость со стороны Платонова, ибо ее темой стала пьеса В. Соловьева, одного из постоянных авторов «Красной нови»³⁰. Выскажем предположение, что и сам Платонов скорее всего не был свободен в выборе материала для первой рецензии (больше в 1936-м он не опубликует ни одной рецензии). Для редколлегии «Красной нови» это отступничество ее автора было не столь безобидным. В январе и феврале 1936 г. журнал вновь обвиняет «Правда». Номера журнала в 1936-м выходят с большой задержкой, и судьба редколлегии «Красной нови» была почти predetermined. Об этом свидетельствует, в частности, подготовленный для секретариата Союза писателей «Обзор журнала “Красная новь” за 1935–1936 гг.». В нем прямо указывалось, что вся ответственность за «поворот к формализму» возлагается на редколлегию:

«... в журнале появляются произведения, содержание и идеологическая насыщенность которых сведена к минимуму, а основное внимание авторов этих произведений направлено на внешнюю побрякушечность»;

«“Красная новь” не однажды допускала на свои страницы произведения, в которых формальные ухищрения выдвинуты на первый или сведена к минимуму, отодвинута на задний план идейная сторона, или совершенно недостаточна работа редакции с автором»³¹.

Смена редколлегии была бы безусловной победой Горького, но Горький ушел из жизни (18 июня 1936 г.). В 1936-м разрыва Платонова с Ермиловым еще не произошло. Рассказ «Третий сын», опубликованный В. Ермиловым, в 1936 г. был переведен на французский и английский языки³². В 6-м номере «Красной нови» печатается рассказ Платонова «Семен» и журнал анонсирует (вплоть до апрельского номера 1937 г.) новые произведения писателя. **21 августа** Платонов присутствует и выступает на собрании актива «Красной нови»³³. Рассказы Платонова упоминаются в подготовленной В. Ставским в **октябре** 1936 г. для Секретариата Союза писателей записке «Что мы имеем после съезда писателей?»:

«Рассказы А. ПЛАТОНОВА “Бессмертие”, “Фро”, — автор долго и по-настоящему изучал материал транспорта. Хорошие рассказы. <...> Готов сборник “Люди железнодорожной державы” (изд. “Гудок”) — пестрая, но полезная книга о знатных людях транспорта»³⁴.

Записка датирована **21 октября**. В это же время в редакции «Красной нови» с рассказами Платонова знакомится А. Гурвич. В письме к В. Ставскому от **27 октября** он сообщает:

«Я работаю сейчас над Андреем Платоновым. Очень интересный, своеобразный талант, но вместе с тем неполноценный писатель. Платонов принадлежит к числу тех немногих настоящих художников, которые пишут кровью своего сердца. Для него литература есть органическая форма его общественного существования. Гуманизм Платонова, однако, при его крайней обостренности оставляет известный неприятный осадок. Мне хочется на материале шести-семи рассказов (“Усомнившийся Макар” (для трамплина), “Такыр”, “Третий сын”, “Нужная родина”, “Бессмертие”, “Фро” и “Семен”, последний публикуется в одном из ближайших номеров “Красной нови”) как можно глубже раскрыть нравственный облик писателя, его социальные мотивы, его манеру письма, особенности его глаза и голоса и вместе с тем, как это я всегда делаю, поговорить о тех проблемах современности, для которых рассказы Платонова являются интересным поводом»³⁵.

Кажется, и в этих умных и одновременно весьма амбициозных суждениях Гурвича пока ничего не предвещало радикального погрома Платонова со стороны «Красной нови». Тем более, что статья готовилась Гурвичем, как он в том признавался в письме, к началу 1937 г. для его персональной книги. Осенью в секретариате Союза писателей составляется большой список писателей и критиков, которые будут выступать с лекциями о Пушкине: В. Вересаев, Д. Бедный, В. Шкловский, В. Ермилов, Ф. Левин, Е. Есиевич, О. Брик, Ф. Гладков и т. д. В списке — 120 имен, под номером 88 — Платонов. Список датирован **20 ноября 1936 г.**, и в подготовленную машинопись будет внесено лишь одно исправление: Платонов вычеркнут, а вместо него вписан известный критик Г. Бровман. Очевидно, где-то в это же время решался и вопрос издания в 1937 г. книги рассказов Платонова. К сожалению, текст договора с издательством «Советский писатель» на книгу «Река Потудань» остается пока неизвестным, а именно он может многое прояснить.

Переход Платонова в лагерь «Литературного критика» окончательно определился в 1937 г., а кульминацией разрыва стали его пушкинские статьи — «Пушкин — наш товарищ» («Литературный критик», 1937, № 1) и «Пушкин и Горький» («Литературный критик», 1937, № 6). Именно эти выступления Платонова, как и

суждения Горького 1930-х о страдании и «новом человеке», послужат «трамплином» для обвинений Платонова в антисоветскости и антинародности, прозвучавших в фундаментальной статье А. Гурвича, впервые опубликованной на страницах «Красной нови» (1937. № 10). Наступил послегорьковский период литературной борьбы, когда имя Горького используется *всеми*, включая его когда-то реальных оппонентов. Забыл о разногласиях с Горьким и Ермилов. Статья Платонова «Пушкин и Горький» будет квалифицирована бывшим оппонентом Горького как «путанная», «насквозь антимарксистская», «оскорбительная для памяти великого пролетарского писателя»³⁶.

Перейдя в стан «Литературного критика», Платонов переживет не менее жестокый диктат со стороны новых высоких покровителей, преследовавших собственные цели во внутрилитературной борьбе второй половины 1930-х гг. Но это уже другая история.

P.S. В фонде А. Платонова хранится письмо из редакции «Литературной газеты» от 20 октября 1944 г. с просьбой написать рецензию на только что вышедшую книгу Н. Никитина: «Книгу Вы ведь читали и она, вероятно, вызвала у Вас так же приятное чувство, как и у нас»³⁷. Ответ Платонова не известен. В библиографии Платонова времени Великой Отечественной войны этой рецензии пока нет.

¹ См.: А. К. Воронский. Из переписки с советскими писателями // Из истории советской литературы. Литературное наследство. Т. 93. М., 1983. С. 534–536.

² См.: Очерки бригады писателей. Л., 1934. Возможно, для этого издания предназначался очерк Платонова «Человек нашего времени», помеченный Ленинградом (хранится в архиве *М. А. Платоновой*).

³ Октябрь мысли. 1924. № 2. Рецензии выявлены в периодике 1920-х гг. и введены в библиографию голландским биографом *Т. Лангераком*.

⁴ Хранится в архиве *М. А. Платоновой*.

⁵ См. характеристику Никитина в дневнике Вс. Иванова: «Вечером пришел Н. Никитин, — смиренный, потерявший все свое нахальство былое и уверенность...» (1942); «...Никитин, похожий на тайного советника, разорившегося вконец» (1943). — *Иванов Вс.* Дневники. М., 2001. С. 189, 308.

⁶ См.: *Примочкина Н.* Писатель и власть. М., 1998. С. 62–63.

⁷ Там же. С. 63.

⁸ Цит. по: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. М., 1953. С. 249. Далее цитируется по данному изданию в тексте статьи с указанием тома и страницы.

⁹ *Примочкина Н.* Указ. соч. С. 65.

¹⁰ М. Горький. Неизданная переписка. М., 1998. С. 289.

¹¹ Цит. по: *Аннинский Л.* Откровение и сокровение // Литературное обозрение. 1989. № 9. С. 16.

¹² Правда. 1934. 18 янв. № 18. С. 4. В библиографии Н. Никитина рецензия на рассказ Платонова «Такыр» отсутствует (см.: Русские советские писатели. Т. 3. Л., 1964).

¹³ Андрей Платонов в документах ОГПУ — НКВД — НКГБ. 1930–1945 // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000. С. 856.

¹⁴ *Платонов А.* Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000. С. 163.

¹⁵ Там же. С. 166.

¹⁶ См.: *Шагинян М.* Заметки о критике (К обсуждению вопроса на пленуме правления советских писателей) // Правда. 1935. 22 февр. С. 2; *Розенталь М., Усиевич Е.* Задачи литературной критики (В порядке обсуждения вопроса на пленуме правления Союза писателей) // Там же. 2 марта. С. 3.

¹⁷ *Аннинский Л.* Указ. соч. С. 16.

¹⁸ На открытии пленума Горький, в частности, признавался, что еще до пленума знакомился с текстами выступлений: «Я читал эти доклады» (Т. 27, 409). По отношению к докладу Щербакова это утверждение не вызывает сомнений.

¹⁹ Скрытая цитата из статьи Платонова «О первой социалистической трагедии»: «В чем смысл современной исторической трагедии! Смысл по-моему в том, что “техника... решает все”. Между техникой и природой принципиально трагическая ситуация».

²⁰ Шпенглер не раз упоминается в статьях Горького о «второй природе» как пример «убожества организующих идей» Европы; «новому» же человеку, «руководимому простым и ясным учением», — «смешно слышать стоны и вопли Шпенглеров, устрешенных техникой...» (статья «О старом и новом человеке»; 26, 282, 289).

²¹ Второй пленум правления Союза советских писателей. М., 1935. С. 321–323.

²² Там же. С. 182.

²³ Опубл., см.: Москва. 1994. № 1. С. 91–97.

²⁴ См.: *Антонова Е. А.* Платонов — инженер треста «Росметрорес» // «Страна философов»: Проблемы творчества. Вып. 4. С. 792.

²⁵ Не исключено, что именно через Субоцкого и Ермилова Платонов хотел опубликовать в «Правде» фрагмент из повести «Джан». См. донесение в НКВД от 17 октября 1935. Там же. С. 859.

²⁶ Андрей Платонов в документах ОГПУ — НКВД — НКГБ. С. 857.

²⁷ *Аннинский Л.* Указ. соч. С. 16.

²⁸ Опубл., см.: Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. М., 1994. С. 474.

²⁹ См. записи о И. Губкине в туркменских записных книжках: *Платонов А.* Записные книжки. С. 127–128.

³⁰ В 1943 г. Платонов и В. Келлер-Александров (ведущий критик журнала «Литературный критик») рецензировали пьесу В. Соловьева «Великий государь»; отзыв Келлера был резко отрицательный, отзыв Платонова — положительный (опубл., см.: Андрей Платонов: Воспоминания современников... С. 451–452).

³¹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 144а, лл. 2–3.

³² 3 февраля 1936 г. датируется письмо журнала «Интернациональная литература» с предложением перевести рассказ «Третий сын» на английский и французский языки (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, л. 13), а в мае Платонов уже получает французское издание журнала (№ 4) с рассказом (Там же. Л. 14).

³³ См.: Андрей Платонов: Воспоминания современников. С. 348–349.

³⁴ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 135, л. 59.

³⁵ Там же. Ед. хр. 138, л. 50.

³⁶ Цит. по: Андрей Платонов: Воспоминания современников. С. 426.

³⁷ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, л. 17.